

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Митрополит Иоанн (Снычев)

Состояние Русской Православной
Церкви при Сергии в период
его заместительства,
местоблюстительства и
патриаршества

Опубликовано:

Христианское чтение. 1991. № 3. С. 4-29

© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),

2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии

Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2013

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Митрополит С.-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)

СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ПРИ СЕРГИИ В ПЕРИОД ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЬСТВА, МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬСТВА И ПАТРИАРШЕСТВА *

В сорок пятом году декабря 1925 года митрополит Сергей известил Российский епископат о своем вступлении в управление Церковью. Наступил очень сложный и трудный период церковной жизни, потребовавший от Первосвященителя глубокой мудрости и больших нравственных сил. Две важные задачи предстояло решить Заместителю Патриаршего Местоблюстителя: 1) достигнуть легализации Церкви или получить право на свободное устройство церковной жизни в новом Советском государстве и 2) сохранить незыблемо до законного Собора преемственно-каноническую структуру Высшего Церковного Управления и тем самым предохранить Русскую Православную Церковь от дальнейшего распада, вносимого в церковную жизнь разными церковными группировками.

Обе задачи были трудными. Трудность первой состояла в том, что не все еще из православных дошли до ясного понимания самой легализации. Для многих она мыслилась ничем иным, как только

* Из лекций Владыки Иоанна, читанных им в Актовом зале Духовной Академии в 1988 году.

подчинением Божиего кесареви, как измена Православию. Отсюда, естественно, всякий шаг, направляемый кем бы то ни было на сближение Церкви и Государства, уже расценивался как уклонение от истины.

Трудность второй задачи заключалась в преодолении неправых мыслей о каноническом достоинстве преемственной церковной власти, передаваемой от одного лица к другому по завещанию, а не по определению Собора, и в пресечении незаконных притязаний лиц, стремившихся самочинно присвоить себе права Первосвятителя Русской Церкви и стать во главе управления.

Как справился с этими весьма трудными задачами митр. Сергий, об этом покажут нам дальнейшие события церковной жизни. Теперь же необходимо изложить те причины, которые способствовали возникновению расколов и разных церковных группировок.

Причины исторические

В то время, когда православные иерархи, стоявшие во главе церковного управления, смело вступили на путь сочувствия Советской власти и ее делу, большинство как высшей, так и низшей иерархии и мирян смотрело на этот путь с большой опаской. И хотя они были против всякой контрреволюционной мысли, тем не менее идти на сближение с новым государственным строем они боялись. Боязнь эта исходила из того принципа, что сближение Церкви с той властью, которая одной из своих задач ставила борьбу с религией, поведет к порабощению свободы Церкви и к уничтожению чистоты Православия.

И поэтому всякая попытка с чьей бы то ни было стороны к тесному сближению с новым государственным строем рассматривалась как измена Православию.

По этой-то причине большинство из высшей иерархии, равно как и низшее духовенство и миряне, считали за лучшее в духе изданного декрета об отделении Церкви от Государства оставаться в отношении к Советской власти людьми лояльными, но быть в стороне от тесного с ней взаимодействия. Такое настроение от лица церковной иерархии и мирян ясно выразил в своем письме к митр. Сергию архиеп. Угличский Серафим (Самойлович). «Мы,— писал он,— лояльные граждане СССР, покорно исполняем все веления Советской власти, никогда не собирались и не собираемся бунтовать против нее, но хотим быть честными и правдивыми членами к Церкви Христовой на земле и не «перекрашиваться в со-

ветские цвета», потому что знаем, что это бесполезно и этому люди серьезные и правдивые не поверят»¹.

Подобная настроенность церковной иерархии и паствы и явилась одной из исторических причин протеста против митр. Сергия после того, как последний своей декларацией от 16(29) июля 1927 года круто повернул кормило Церковного корабля и направил его к пристани, находящейся в ведении Советского государства.

Обстоятельства и сила возникшего протеста против новой политики митр. Сергия настолько важны в оценке исторических причин появления расколов, что мы считаем нужным осветить их более подробно.

Освещение это, для большей ясности исторических событий тогдашних дней, мы начнем с того момента, когда митр. Сергей, руководимый заботой о Русской Церкви, вступил на путь легализации и создания Временного Священного Синода.

Как мы уже говорили, высшая церковная иерархия в своем большинстве установила своеобразное отношение к новой государственной власти. Ясно, что такое отношение не могло быть твердой основой для внешнего положения Русской Церкви в обстановке нового государственного строя. Требовалось иное, более убедительное признание со стороны Церкви гражданской законности, которая бы в свою очередь видимым образом утвердила прерогативы Русской Православной Церкви и предоставила ей официально устроить свою жизнь в полном соответствии с церковными канонами.

Это вызывалось теми обстоятельствами, что обновленческий Синод (ВЦУ) был легализован Советским правительством и фактически пользовался его покровительством и, в силу этого, он имел возможность вести правильную организацию приходов и свободно, в лице своей высшей иерархии, совершать разъезды по епархиям².

Патриаршая же Православная Церковь таких привилегий не имела, что отрицательно сказывалось на церковно-приходской жизни православных епархий. Разобщенность между Высшей Церковной властью, епархиями и приходами если не совсем была полной, то во всяком случае доходящей до крайних пределов. А это давало широкий простор для действий обновленческого раскола, вносящего в церковную жизнь гибельную смуту.

¹ Письмо архиеп. Серафима к митр. Сергию от 6 февраля 1928 года.

² К Правительству СССР. Обращение православных епископов из Соловков. См.: Материалы по обновленческому расколу. Кн. 1. С. 53—54.

Печальное состояние церковных приходов и епархий, происшедшее от вышеуказанной причины, прекрасно изобразил в своем послании от 18(31) декабря 1927 года митр. Сергей.

«Господь,— писал он,— возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая как ощупью, среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и всяких пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния»¹.

Все эти печальные стороны церковной жизни привели митр. Сергия к важному решению. Он осознал, что в таком положении Русская Церковь оставаться больше не может, необходимо утвердить ее на прочном основании гражданской законности или, иными словами, достигнуть правыми средствами ее легализации.

Свое решение он обсудил с отдельными православными иерархами и, получив их одобрение, приступил к осуществлению намеченных планов. В его первую задачу входило образование при себе Временного Священного Синода в качестве вспомогательного органа и затем уже устранение в церковной жизни нестроений.

Для этой цели он пригласил в свою резиденцию несколько православных архиереев: митр. Тверского Серафима (Александрова), архиеп. Вологодского Сильвестра (Братановского), архиеп. Хутынского Алексия (Симанского), архиеп. Костромского Севастиана (Вести), архиеп. Звенигородского Филиппа (Гумилевского) и еп. Сумского Константина (Дьякова)— и 18 мая 1927 года приступил с ними к предварительному совещанию.

В кругу скромной обстановки митр. Сергей внес устное предложение такого содержания:

«Сознавая необходимость иметь при себе, как временном Заместителе первого епископа Российской Православной Церкви Положенный определением Собора 1917—18 гг. вспомогательный орган, в виде Священного Синода, я решил по примеру почившего

¹ Послание митрополита Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода Преосвященным Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви от 18(31) декабря 1927 года.

Свят. Патриарха образовать при себе такой Синод путем приглашения мною некоторых Преосвященных Архипастырей, участие которых в работах Синода мне представлялось возможным и полезным. Сверх присутствующих здесь, мною приглашен также Преосвященный Митрополит Арсений. К сожалению, вследствие перемены им местожительства, письмо, посланное по старому адресу, очевидно, задержалось в дороге и ответа от Митр. Арсения не получено. Во избежание всяких недоразумений считаю нужным оговорить, что проектируемый при мне Синод ни в какой степени не полномочен заменить единоличное возглавление Российской Церкви, но имеет значение лишь вспомогательного органа при мне, как Заместителя первого епископа нашей Церкви. Полномочия Синода проистекают из моих и вместе с ними падают. . . »¹.

Предложение Заместителя не встретило возражения со стороны присутствовавших иерархов.

В состав проектируемого Священного Синода вошли все вышеуказанные иерархи с включением в него и митр. Новгородского Арсения (Стадницкого).

Список членов Синода был передан митр. Сергием на утверждение гражданской власти.

20 мая 1927 года на имя и. д. Патриаршего Местоблюстителя была получена справка за № 22-4503-62 такого содержания:

«Заявление и. д. Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола — Митр. Нижегородского Сергия гр. Страгородского и список организовавшегося при нем временного т. н. «Патриаршего Священного Синода» в составе Митр. Новгородского Арсения Стадницкого, митр. Тверского Серафима Александрова, архиеп. Вологодского Сильвестра Братановского, архиеп. Хутынского Алексея Симанского, архиеп. Костромского Севастиана Вести, архиеп. Звенигородского Филиппа Гумилевского, епископа Сумского Константина Дьякова в Административном Отделе ЦАУ НКВД получены и приняты к сведению. Препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается»².

Итак, первая цель была достигнута: митр. Сергей и его Врем. Патриарший Синод получил легализацию.

Не ограничиваясь легализацией одного только Синода, митр. Сергей 12(25) мая 1927 года циркулярно предложил всем

¹ Циркуляр митр. Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода от 12(25) мая 1927 года на имя еп. Петергофского Николая.

² Там же.

епархиальным и викарным архиереям, а также состоящим при них Епархиальным Советам получить регистрацию от гражданской власти и на законных правах включиться в общий организм церковного управления Русской Православной Церкви¹.

Вслед за этим он вместе с членами Патриаршего Синода приступил к написанию декларации, предназначенной для опубликования через прессу всем верным чадам Русской Церкви.

Правда, подобная декларация была уже подготовлена митр. Сергием еще весной 1926 года, но она не была проведена в жизнь: какие-то непредвиденные обстоятельства воспрепятствовали ее опубликованию. Окончательный текст послания, после тщательной проверки, был подписан митр. Сергием и членами Синода 16(29) июля 1927 года.

Настоящим посланием митр. Сергей и члены Патриаршего Синода вступили не только на путь полной лояльности к Советской власти, но и как бы включили себя в самый организм нового государства, так чтобы его (государства) радости и успехи или его неудачи стали как бы радостями и неудачами самой Русской Церкви.

Это был если не совсем новый, то во всяком случае для некоторых неожиданный курс церковной политики, взятый митр. Сергием.

Характерно, что на этот путь он вступил смело и бесповоротно, с мольбой о том, чтобы те, кто не может изменить сразу своего настроения в пользу новой *политики*, отошли бы на время от церковных дел до тех пор, пока бы лично не убедились в правоте нового церковного курса, предпринятого им в отношении к Советской власти.

Послание было отпечатано в 5000 экземплярах и разослано по епархиям и приходам². Оно же было опубликовано в «Известиях ЦИК» от 19 августа 1927 года.

Если образно представить себе, какое действие произвело послание на церковное общество, то самым подходящим для этого может служить камень, брошенный в тихое озеро.

До того момента, когда камень еще не был брошен в озеро, поверхность воды сохраняла свое спокойствие, но как только камень с большой силой был повержен в воду, то сразу все изменилось: кругообразные волны от центра падения камня всколых-

¹ Циркуляр митр. Сергия и Временного при нем Патриаршего Синода от 12(25) мая 1927 года на имя еп. Петергофского Николая.

² Уральские церковные Ведомости. 1927. № 14—15. С. 1.

нули всю поверхность озера и нарушили тишину. Волна за волной, ударяясь о берега озера, производили шум.

Подобное произошло и в церковном обществе после издания декларации.

Если строго подходить к декларации митр. Сергия и Синода, то она в церковном обществе явилась как бы своего рода таким прибором, которым точно определялась степень того или иного отношения разных церковных лиц к Советской власти.

И надо признать за истину, что большинство церковного общества не возшло еще на ту ступень взаимоотношения Церкви и Государства, на которую вступил митр. Сергей и Временный при нем Патриарший Синод.

Это и послужило причиной *не одинакового* отношения православных как и к самой декларации, так и к церковной политике митр. Сергия.

В ходе раскрытия исторических причин нам важно теперь выяснить создавшееся отношение православной иерархии к посланию и к новому направлению церковного корабля, избранному митр. Сергием.

Прежде всего необходимо выяснить, как отнесся ко всему этому Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

В то время, когда декларация митр. Сергия была опубликована в печати, митр. Петр находился в поселке ХЭ, Обдорского района, Тобольского округа. Вместе с ним пребывал и еп. Спасо-Клепиковский, вик. Рязанской епархии Василий (Беляев). Там же он чрез газету ознакомился с посланием и новым направлением своего Заместителя. Какое он вынес суждение о послании и действиях митр. Сергия, об этом узнаем из доклада Заместителю и Патриаршему Синоду еп. Василия (Беляева), которому митр. Петр поручил передать свои взгляды митр. Сергию.

Вот что он докладывал:

«С 1 августа по 23 сентября я прожил в поселке ХЭ, Обдорского района, Тобольского округа, вместе с митр. Петром Местоблюстителем, и, по его поручению, должен Вам сообщить ниже следующее: Владыка получил возможность (из газ. «Известия») прочитать декларацию нынешнего Православного Синода и вынес от нее вполне удовлетворительное впечатление, добавив, что она является необходимым явлением настоящего момента, совершенно не касаясь ее некоторых абзацев. Владыка Митрополит просил передать его сердечный привет Митрополиту Сергию и всем знающим его.

Исходя из доклада еп. Василия, мы видим, что Патриарший Местоблюститель признал декларацию как необходимое явление того времени, а отсюда, следовательно, и новая церковная политика митр. Сергия в какой-то мере была признана им как явление если не совсем положительное, то во всяком случае *не* противное Христовой истине.

Иначе судить о действиях своего Заместителя митр. Петр не мог. Он ясно понимал, что митр. Сергей, делая такой смелый шаг к изменению церковной политики в отношении Советской власти, делал это не ради каких-либо земных целей или нарушения церковных принципов, а исключительно ради церковного блага при создавшихся внешних и внутренних политических обстоятельствах.

Возможно, что при иных условиях митр. Петр мог бы иначе судить о действиях своего Заместителя, но теперь он признал его поступок вполне благовременным и необходимым.

Несколько по-иному отнеслись к посланию и политике митр. Сергия соловецкие епископы.

Мы располагаем одним весьма важным историческим документом, написанным соловецким епископством по поводу послания митр. Сергия, в котором со всей ясностью выражено отношение соловецких архиереев к политике Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

По важности содержания этого документа мы приводим его полностью.

«1. Мы,— пишут соловецкие епископы,— одобряем самый факт обращения Высшего Церковного Учреждения к Правительству с заверением о лояльности Церкви в отношении Советской власти во всем, что касается гражданского законодательства и управления.

Подобные заверения, неоднократно высказанные Церковью в лице почившего Патриарха Тихона, не рассеяли подозрительного отношения к ней правительства; поэтому повторение таких заверений нам представляется целесообразным.

2. Мы вполне искренно принимаем чисто политическую часть послания, а именно:

а) мы полагаем, что клир и прочие церковные деятели обязаны подчиняться всем законам и правительственным распоряжениям,

¹ Доклад еп. Спасо-Клепиковского Василия от 11 ноября 1927 года.

касающимся гражданского благоустройства государства;

б) мы полагаем, что тем более они не должны принимать никакого — ни прямого, ни косвенного, ни тайного, ни явного — участия в заговорах и организациях, имеющих целью ниспровержения существующего порядка и формы правления;

в) мы считаем совершенно недопустимым обращение Церкви к иноземным правительствам с целью подвигнуть их к вооруженному вмешательству во внутренние дела Союза для политического переворота в нашей стране;

г) вполне искренно принимая закон, устраняющий служителей культа от политической деятельности, мы полагаем, что священнослужитель, как в своей открытой церковно-общественной деятельности, так и в интимной области пастырского воздействия на совесть верующих, не должен ни одобрять, ни порицать действий Правительства.

3. Но мы не можем принять и одобрить послания в его целом по следующим соображениям:

А. В абзаце 7-м мысль о подчинении Церкви гражданским установлениям выражена в такой категорической и безоговорочной форме, которая легко может быть понята в смысле полного сплетения Церкви и Государства. Церковь не может взять на себя перед Государством, какова бы ни была в нем форма правления, обязательства считать «все радости и успехи Государства своими успехами, а все его неудачи своими неудачами», т. к. всякое правительство может принять решения безрассудные, несправедливые или жестокие, которым Церковь бывает вынуждена подчиниться, но не может им радоваться и одобрять их.

В программу же настоящего правительства входит искоренение религии и для осуществления этой задачи им издан ряд законов. Успехи государства в этом направлении Церковь не может признать своим успехом.

Б. Послание приносит правительству «всенародную благодарность за внимание к духовным нуждам православного населения». Такого рода выражение благодарности в устах главы Русской Православной Церкви не может быть искренним и потому не отвечает достоинству Церкви и возбуждает справедливое негодование в душе верующих людей, ибо до сих пор отношение Правительства к духовным нуждам православного населения выражалось лишь во всевозможных стеснениях религиозного духа (и его проявление: в осквернении и разрушении храмов, в закрытии монастырей, в отобрании св. мощей, в запрещении преподавания детям Закона

Божия, в изъятии из общественных библиотек религиозной литературы, в ограничении прав служителей Церкви), и, как мало Правительство проявило внимания к религиозным потребностям в настоящее время в самом обещании легализовать церковные учреждения, лучше всего показывает оскорбительная для чувств верующих статья официального правительственного органа «Известий ЦИК», предваряющая текст послания митрополита Сергия.

В. Послание Патриархии без всяких отговорок принимает официальную версию и всю вину в прискорбных столкновениях между Церковью и Государством возлагает на Церковь, на контрреволюционное настроение клира, проявляющееся в словах и делах, хотя последнее время не было ни одного судебного процесса, на котором публично и гласно были бы доказаны политические преступления служителей Церкви, а многочисленные епископы и священники лишь в административном порядке томятся в тюрьмах, ссылке и на принудительных работах, за свою чисто церковную деятельность (борьбу с обновленчеством) или по причинам, часто неизвестным самим пострадавшим. Настоящей же причиной борьбы, тягостной для Церкви и для самого государства, служит задача искоренения религии, которую ставит для себя настоящее правительство. Именно это принципиальное отрицательное отношение правительства к религии заставляет государство с подозрением смотреть на Церковь независимо от ее политических выступлений, а Церкви не позволяет принять законов, направленных к ее разрушению.

Г. Послание угрожает исключением из клира Московской Патриархии священнослужителям, ушедшим с эмигрантами, за их политическую деятельность, т. е. налагает церковное наказание за политические выступления, что противоречит постановлению Всероссийского Собора 1917—18 г. от 3(16) августа 1918 года, разъяснившего всю каноническую недопустимость подобных кар и реабилитировавшему всех лиц, лишенных сана за политические преступления в прошедшем (Арсений Мациевич, свящ. Григорий Петров).

4. Наконец, мы находим послание Патр. Синода неполным, недоговоренным, а потому недостаточным.

Закон об отделении Церкви от Государства двусторонен: устраняя Церковь от вмешательства в политическую жизнь страны, он гарантирует ей невмешательство правительства в ее внутреннюю жизнь и в религиозную деятельность ее учреждений. Между тем закон этот постоянно нарушается органами политического наблюдения. Высшая церковная власть, ручаясь за лояльность Церкви

в отношении к государству, открыто должна будет заявить правительству, что Церковь не может мириться с вмешательством в область чисто церковных отношений государства, враждебного религии.

Соловки.

1927 г. 14(27) сентября».

Как гласит содержание документа, соловецкие епископы одобрительно отнеслись к самому факту заверительного обращения митр. Сергия к Правительству, и все то, что касалось лояльного отношения Церкви к Государству, они признали как явление положительное.

Но такая оценка политики Заместителя дана только принципиальной стороне его деяний, однако в той части, где дело касалось христианской совести, могущей помрачиться от тесного соприкосновения с властью, отрицательно настроенной против всякой религии, там они фактически не могли полностью согласиться с митр. Сергием и вынуждены были чрез неприятие этой стороны послания отвергнуть и в этом направлении его политику.

Но, не принимая отдельную и очень малую часть послания и самой политики митр. Сергия, соловецкий епископат в принципе был согласен с его общей политикой и декларацией.

Об этом, кроме вышеуказанного документа, подтверждает прот. И. Шастов, проживавший тогда вместе с соловецкими епископами.

Вот что он пишет в своем донесении митр. Сергию: «По прочтении означенной декларации и суждению о ней было вынесено определенное заключение: декларацию считать необходимым актом, свидетельствующим лояльное отношение к государственной власти и не нарушающим ни догматического, ни канонического учения. А потому приемлемой «для нас»¹.

Миротворческий дух среди соловецкого епископата поддерживал архиеп. Иларион (Троицкий). Он умел мудро определять, что является самым существенным в политике митр. Сергия и что менее, и из этого делать правильный вывод. К его мудрости прислушивались не только соловецкие епископы, но и другие иерархи, находившиеся в иных епархиях.

В ноябре 1927 года, когда иосифлянство уже начало свое развитие, среди соловецкого епископата, под действием разных дошедших до него отрицательных слухов, появилось колебание относительно политики митр. Сергия и его Синода. Это колебание, при

¹ Письмо к митр. Сергию прот. Иоанна Шастова от 16 февраля 1928 года. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 434.

известных условиях, могло бы перейти в более активное действие, направленное против Заместителя. Однако мудрость и авторитет архиеп. Илариона *развеели* создавшееся среди соловецкого епископата колебание. Он сумел созвать епископов (до 15 человек) в келье архим. Феофана и там вместе с ними единодушно поставить о полном своем *согласии* с политикой митр. Сергия. «Никакого раскола,— возгласил архиеп. Иларион,— будем хранить верность Православной Церкви в лице митр. Сергия»¹.

«Что бы ни стали нам говорить и кто бы ни был, мы должны на это смотреть, как на провокацию, желающую нас разделить с митр. Сергием и его Синодом, а потому мы должны держаться единства»².

Итак, соловецкий епископат под действием архиеп. Илариона признал окончательно политику митр. Сергия положительной и стал твердо на его сторону.

Однако следует отметить, что среди соловецких епископов были отдельные иерархи, которые несочувственно относились к политике митр. Сергия, но и они до времени были удерживаемы архиеп. Иларионом в единодушии с остальными соловецкими епископами.

Если соловецкий епископат в отношении декларации и новой политики митр. Сергия стал на положительную точку зрения, заявив о своей полной лояльности к советской власти, то остальное церковное общество разделилось в своих взглядах на несколько партий. Одна из них признавала полностью декларацию и политику митр. Сергия, другая, в духе послания соловецких епископатов, отвергая одно, признавала другое, но не отходила от Заместителя, и, наконец, третья совершенно отвергнула и то и другое и стала в непримиримое отношение к митр. Сергию, а чрез это и к гражданской власти.

Такое разделение на партии объясняется исключительно психологией церковного общества, образовавшейся среди верующих ко времени издания декларации. К рассмотрению этой причины мы и приступим.

Причины психологические

Мы уже отмечали, что как среди высшей, так и низшей церковной иерархии, и в большей степени среди простого народа в вопросе от отношении Церкви и Государства появилось опасение

¹ Сведения участника совещания соловецких епископов А. М.

² Письмо к митр. Сергию прот. И. Шастова от 16 февраля 1928 года. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 434.

как бы, сближаясь с последним, не изменить Христовой истине.

Опасение это образовалось, конечно, не без причины. Октябрьская революция, сокрушая царское самодержавие, естественно, затронула и церковный организм, так тесно переплетавшийся с царской Россией, и в своих планах поставила цель уничтожить всякую религию.

И когда Советское правительство предприняло ряд мероприятий, связанных с закрытием храмов, монастырей, с лишением верующих святынь, как-то: св. мощей и чудотворных икон и т. п., — то все это воспринималось иерархией и простым народом как факты, направленные против веры. Отсюда, естественно, в членах Русской Церкви породилось внутреннее опасение за судьбу своей веры, и, при внешнем их подчинении государственному строю, внутренне они далеки были от какого бы то ни было тесного сближения.

Их внутреннее беспокойство еще больше усилилось, когда на арену церковной жизни всплыло обновленчество, заявившее во всеуслышание о своей лояльности к советской власти и объявившее свою Церковь демократической. Дело обновленцев, так ярко нарушавшее догматическое учение Православной Церкви и церковные каноны, настолько тесно соприкасалось с направлением нового государственного строя, что некоторые православные иерархи и рядовые пастыри, а в большей степени простой народ, стали отождествлять сближение с гражданской властью с изменой Православию.

И в этом отношении большинство из тех, кто впоследствии ушел в иосифлянство, определяло православных по такому принципу: если кто не шел на компромиссы с советской властью, тот считался православным, а тот, кто делал какие-либо уступки или в духе митр. Сергия заявлял о своей лояльности, считался уже изменником Православия.

Характерно, что и сама борьба против обновленчества многими предпринималась не столько ради допущенного со стороны обновленцев церковного бесчиния, а сколько потому, что последние внесли в свою Церковь чуждую Христовой истине политику.

«Нет ничего неожиданного в том,— писал митр. Сергей митр. Кириллу на его возражения,— что среди оппозиции стоят... люди, проявившие много усердия по борьбе с обновленчеством. Это говорит только о том, что многие восставали и против обновленчества не потому, что это было церковное бесчиние, а больше потому, что оно «признало советскую власть». Недаром и теперь

кое-кто спрашивает, какая же разница у нас с обновленцами, если и мы «за соввласть»¹.

И потому нет ничего удивительного в том, что всякая попытка со стороны высшей церковной иерархии каким-либо образом изменить сложившуюся политику в сторону сближения Церкви и Государства (с психологической необходимостью) оценивалась православным церковным обществом как нарушение чистоты Православия. Вызывалась большая опасность, чтобы, изменяя церковную политику в духе обновленческом хотя бы даже по внешней форме, не изменить законов и особенно того церковного строя, который с необходимостью был утвержден Святейшим Патриархом Тихоном.

Какова сложилась настоящая психология церковного общества, лучше всего показывает нам отношение православных к декларации митр. Сергия от 16 (29) июля 1927 года.

Когда верные чада Русской Церкви прочли послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Синода, то многие из них настолько были поражены его содержанием, что решили за лучшее не задерживать послания у себя и отправили его обратно автору. Почти 90 процентов православных приходов поступили с декларацией по вышеуказанному примеру.

Вслед за этим целые потоки негодований вырвались из груди ревнителей Православия. Они с каждым днем все увеличивались и увеличивались. И одни из них принимали мирный характер, а другие, наоборот, превращались в кипучий гнев, готовый сокрушить на своем пути все то, что казалось *несогласным* с Христовой истиной.

Поборники Православия, стремясь защитить чистоту Христовых идей, от мирных речей переходили к грозным обличительным речам, и все то, что было затронуто в их сердцах декларацией, все это они высказали митр. Сергию смело, безбоязненно.

Какие главные направления приняли протесты против послания и политики Заместителя, это можно видеть из тех многочисленных посланий и писем, которые были написаны защитниками Православия.

Рассмотрим все их по порядку.

Поскольку послание митр. Сергия носило чисто политический характер, поэтому и протест отдельных епископов и большинства

¹ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 2 января 1930 года. См.: Материалы по носифлянскому расколу. Кн. 1. С. 28.

мирян был направлен прежде всего против предпринятой митр. Сергием церковной политики.

Одобрив основной принцип лояльного отношения к советской власти, они, однако, были против того, чтобы Церковь снова включилась в политику и в тесный союз с государством, на что, как им казалось, толкает митр. Сергий. «Когда Церковь,— говорили они,— не была отделена от государства, она часто, помимо ее желания, втягивалась в политику. В Советском государстве (отделившем от себя Церковь) последняя (Церковь) имеет громадные преимущества в том отношении, что она может быть в стороне от всякой политики, делая свое только церковное дело и будучи совершенно свободной от всяких влияний на ее внутренний уклад и порядки со стороны гражданской антирелигиозно настроенной власти.

Послание митр. Сергия и его Синода вновь толкает Церковь на путь союза с государством, ибо само послание есть уже политическое выступление, как и смотрят на него и его составители и правительство»¹.

Они считали, что митр. Сергий, утверждая новую политику, допустил грубую каноническую ошибку, заключавшуюся в том, что он свою частную политику выдал за политику общецерковную, чего, по мнению противников декларации, не имел права делать не только митр. Сергий, но даже и сам Патриарх.

Параллельно вышеуказанному направлению шло развитие и другого направления, где с иной стороны подходили к оценке Послания и политики митр. Сергия.

Если в первом деяния Заместителя ставились пред судом церковных канонов и постановлений Поместной Церкви, то здесь были поставлены пред лицом Христовой истины. Лица этого направления подошли к оценке декларации и политики митр. Сергия с точки зрения истинности их содержания и направления. После тщательного анализа первого и последнего (декларации и направления политики) они пришли к выводу, что то и другое содержит в себе ложь и человекоугодничество. И, задавая вопрос — может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия, при каких угодно случаях, для каких угодно целей, становиться на путь лжи и человекоугодничества? — ответили:

¹ Послание трех епископов, п. 4. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 237—238.

«Нет, ибо это безусловно воспрещается Словом Божиим (Деян. 4, 19; Иез. 18)»¹.

Они не могли признать за истину то утверждение митр. Сергия и его Синода, указанное в «Послании», что напряженное отношение между Церковью и Государством вызывалось исключительно контрреволюционным настроением церковной иерархии, и считали такое утверждение не только ложью, но и более.

Они считали, что столкновение между Церковью и Государством исходило не только из одних политических принципов, но, главным образом, из разности двух философских систем: материалистической и христианской (идеалистической); и что, следовательно, это столкновение неизбежно даже при отсутствии каких-либо политических выпадов со стороны отдельных церковных лиц.

«После Октябрьского переворота,— свидетельствовало одно неизвестное лицо,— Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти не только безрелигиозной, но ярко антихристианской, в существе своем христианству противоположной и христианство отрицающей и потому фатально обреченной на борьбу с ним. Церковь, в самых главных и основных пунктах, является отрицанием коммунизма в области его материалистической философии, его исторических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между «да» или «нет», между утверждением и отрицанием, и потому, повторяем, неизбежны были враждебные действия государственной власти по отношению к Церкви».

«Политическое обвинение, которое возводил на своих собратьев и паству в своем «Послании» митр. Сергей, давало повод отдельным иерархам ставить его на одну ступень с обновленцами и возлагать всю ответственность в тяжком обвинении православных всецело на совесть митр. Сергия»².

«Давая полную оценку политике Заместителя, сторонники второго направления убедительно доказывали, что предпринятое митр. Сергием дело не принесет ничего утешительного для церковного мира. И как Церковь находилась в стесненных обстоятельствах, так она и останется и впредь, и как существовало отрицательное отношение Государства к Церкви, так оно и будет продолжаться до тех пор, пока будут существовать две совершенно противоположные философские системы»³.

¹ Послание по поводу «Воззвания» митр. Сергия неизвестного лица. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 159.

² Там же. С. 159—162.

³ Там же. С. 163—164.

Чем большее число православных углублялось в содержание Послания и чем строже сопоставляли реальные события с проводимой церковной политикой митр. Сергия, тем все суровее определялось направление внутреннего протеста против деяний Заместителя. Здесь уже не ограничивалось спокойным рассуждением деяний митр. Сергия, а переходило в гневный протест, выражавшийся в разных библейских и апокалипсических сравнениях, прилагаяемых к личности митр. Сергия.

Одни, например, усматривая в поступках Заместителя измену Православию, сравнивали его с женой Иова, которая посоветовала своему мужу сказать некий глагол Господу, т. е. похулить Господа и умереть¹.

Иные, исходя из того, что Церковь чрез митр. Сергия вступила в тесный и живой союз с государством, которое основной своей целью ставит уничтожение на земле всякой религии и, прежде всего, Православного Христианства, справедливым считали представить дело митр. Сергия в виде апокалипсической жены, сидящей на звере багряном, преисполненном именами богохульными, на челе которой было написано имя: «Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Апок. 17, 3, 5, 6)².

Подобные взгляды на дело митр. Сергия передавались из уст в уста среди простого населения и усиливали внутреннее беспокойство верующих.

Некоторые, очевидно, с целью убедить смущавшихся политикой митр. Сергия, что он не погрешил против догматов веры и что, следовательно, он не еретик, обращались с вопросами к одной неизвестной «блаженной», ожидая от нее положительного ответа. Но и блаженная поддерживала сторону смущавшихся. «Что же, что не еретик,— возразила блаженная одному из вопрошавших,— он хуже еретика: он поклонился антихристу, и, если не покается, участь его в геене вместе с сатанистами»³.

Естественно, что после такого ответа и утверждения блаженной, народное смущение не рассеялось, наоборот, оно, под действием подобных речей, принимало все большие и большие размеры. Живые верующие души все внимательнее всматривались в церковную обстановку и своим сердцем чувствовали надвигающуюся опасность на Церковь.

¹ Русская Церковь и Иов Многострадальный. Митр. Сергей и жена Иова. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 2. С. 418.

² Письмо неизвестного к другу от 22 октября 1927 года. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 230—231.

³ Там же. С. 235.

Они все больше и больше убеждались в том, что политика митр. Сергия и его Синода неизбежно поведет к нравственному растрелению церковного общества, заставит многих поколебаться в вере и любви, внесет большой соблазн среди многострадального народа и, как неизбежное следствие, породит в лоне Русской Церкви новый раскол.

Среди смущавшихся политикой митр. Сергия уже поднимался вопрос об отделении от Заместителя и его Синода. И вопрос, вероятно, разрешился бы очень быстро в пользу отделения, если бы их не утравили два важных обстоятельства: ответственность за произведенный раскол и канонический разрыв с Христовой Церковью и, следовательно, потери благодатного освящения.

Те из них, кто руководствовался в жизни не одним только чувством, а и разумом, справедливо советовали не торопиться с отделением, но ожидать того момента, когда ярко определятся отрицательные плоды политики митр. Сергия, дающие полное основание к отделению.

Ожидание этих плодов и надежда на то, что митр. Сергей и его Синод сознают свой грех и изменят свою политику, отодвигало появление раскола. К числу ожидающих принадлежал сам митр. Иосиф (Петровых) и его единомышленники.

Причины канонические

Наряду с причинами историческими и психологическими, немаловажное значение в истории возникновения иосифлянского раскола имеет причина каноническая.

Многие из тех, кто выражал свое неодобрение политике митр. Сергия, поступали так не потому только, что они признавали вообще отрицательной политику, но и потому, что находили ее антиканонической, то есть проводимой без благословения Патриаршего Местоблюстителя митр. Петра. Иными словами, они считали, что деятельность митр. Сергия превышает его полномочия как Заместителя и поэтому является антиканонической.

Чтобы наглядно убедиться в том, что неодобрявшие политику митр. Сергия ставили в вину превышение им канонических полномочий, мы приведем ряд высказываний отдельных лиц по этому вопросу.

Вот что, например, писал митр. Сергию еп. Полонский Максим (Руберовский): «Весь корень зла, вся злостная инсинуация лежит в том, что Вы действуете будто бы без благословения митр. Петра,

что митр. Петр дал будто бы право заниматься текущими неважными делами. Рассейте нелепое обвинение, Отец родной»¹.

Действительно ли это были клеветнические измышления, как утверждает еп. Максим, или это были естественные опасения скорбящих душ за судьбу Русской Церкви, существо дела от этого не меняется — факт остается фактом: обвинения подобные существовали.

«Делая то,— писал неизвестный,— что он (Заместитель) делает, митр. Сергей, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от митрополита Агафангела, от бывш. архиепископа Екатеринбургского Григория и прочих претендентов на создание новых ориентаций, испросить благословения своего иерархического начальника. Ведь митрополит Сергей только и. д. Местоблюстителя, т. е. лицо не самостоятельное, долженствующее действовать во всяком случае не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной Литургии, как имя своего «господина». Поэтому он должен был запросить митр. Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному шагу и только с благословения того действовать. Между тем ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Воззвании» нет и следов указаний на то, что так было сделано и что благословение получено. А если так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для митр. Сергия получить благословение митр. Петра, показывает то соображение, что в случае несогласия его с деятельностью своего заместителя (митрополита Сергия), этот последний сразу становится таким же «похитителем» власти, как и те лица, о которых он упоминает в своем воззвании»².

«Митр. Сергей,— говорится в «Киевском воззвании»,— Заместитель Местоблюстителя Патриарха, который хотя и отделен от нас тысячами верст... однако, благодарение Богу,— еще жив, является ответственным за Русскую Церковь пред Богом святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви... Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его Заместитель не может без согласия с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути. Митр. Сергей «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санк-

¹ Письмо еп. Максима к митр. Сергию от 13 (26) октября 1927 года. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 82.

² Послание по поводу «Воззвания» митр. Сергия. См.: Материалы по иосифлянскому расколу. Кн. 1. С. 164.

ции Митр. Петра и сонма русских иерархов... декларировать и предпринимать ответственнейшие решения, которые должны определить жизнь церковного организма в каждой клеточке его.

Наличие при митр. Сергии так называемого «Временного Синода» не изменяет положения: «Синод» митр. Сергия организован совершенно не так, как предполагает постановление Московского Собора 1918 года, он не избран соборно, не уполномочен епископатам: потому он и не может считаться представительством епископата при митр. Сергии. Он поставлен самим митр. Сергием и потому является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, частным совещанием при нем.

Все это говорит за то, что, поскольку Заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственнейшие решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, ОН ЯВНО ВЫХОДИТ ИЗ ПРЕДЕЛА СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ»¹.

Приведенных примеров вполне достаточно для той цели, чтобы убедиться в том, что обвинения митр. Сергия в превышении им канонической власти существовали и ярко свидетельствовали о наличии канонической основы, послужившей одной из причин в подготовке расколов.

Но нас интересуют сейчас не сами обвинения, которые явились фактически как бы выражением того, что сложилось в недрах иерархического преемства предшествующими событиями церковной жизни, а каноническое самоопределение тех полномочий, которые по преемству, в силу завещания, перешли от Патриаршего Местоблюстителя к митр. Сергию. Иными словами, нас интересует выяснение канонического взгляда русского епископата на иерархические полномочия митр. Сергия в деле управления им Русской Церковью.

Начнем изложение этого с завещания митр. Петра, которым определялся объем полномочий митр. Сергия.

6 декабря 1925 года, за несколько дней до своего удаления от управления, митр. Петр оставил завещание следующего содержания: «В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому. Если сему

¹ Киевское воззвание. Ноябрь. 1927 год. См.: Материалы по носифлянскому расколу. Кн. 2. С. 290—291.

Митрополиту не представится возможным осуществить это, то будет. . . Экзарх Украины Высокопреосв. Митр. Михаил, а если и он будет лишен возможности. . . то Высокопреосв. Иосиф, архиеп. Ростовский. Возношение за Богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»¹.

Как гласит содержание завещания, обязанности Патриаршего Местоблюстителя переходили одному из указанных кандидатов без всякого ограничения, именно в объеме тех полномочий, которые принадлежали Местоблюстителю. За митрополитом же Петром оставался только титул и право возношения его имени за богослужением. Таким образом, если строго исходить из самого содержания завещания, то следует признать, что митр. Сергей воспринял в полноте права Патриаршего Местоблюстителя. Но при ясности вытекающих полномочий из завещания остается не ясным самый объем полномочий Патриаршего Местоблюстителя, а отсюда, следовательно, и полномочия митр. Сергея как Заместителя также остаются *неясными*.

Необходимо поэтому решить вопрос — какой объем полномочий принадлежал Патриаршему Местоблюстителю? Исчерпывающий и вполне правильный ответ на поставленный вопрос дает митр. Нижегородский Сергей, рассуждениями которого мы и воспользуемся в нашем труде.

«По действующим церковным правилам,— говорит митр. Сергей,— титул Местоблюстителя Патриаршего Престола усваивается иерарху, который временно исполняет обязанности первого епископа данной Церкви, т. е. в период времени с освобождения Патриаршей кафедры (за смертью или ухода Патриарха от должности) и до избрания нового Патриарха. Предусматривается должность Местоблюстителя и положением о нашем Высшем Управлении, выработанным на Соборе 17—18 гг.»².

В соответствии с этим, на первый взгляд кажется, что и митр. Петр своим положением солидарен с общецерковным порядком и что его полномочия ограничиваются тем объемом, который предусмотрен правилами Поместного Собора о Местоблюстительстве. Но это только кажется, а в действительности существует весьма большая разница.

Как нам известно, митр. Петр носил титул «Патриарший Местоблюститель», а не «Местоблюститель Патриаршего Престола»,

¹ См.: Елевферий, митр. Соборность церкви. С. 196.

² Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3.

как предусмотрено правилами, и в этой с виду незначительной разнице в терминологии скрывается существенное различие в объеме полномочий Патриаршего Местоблюстителя от Местоблюстителя обычного.

Обычный Местоблюститель при нормальном течении церковной жизни после смерти Патриарха избирается Священным Синодом и Высшим Церковным Советом — учреждением, которому фактически переходит вся полнота канонической власти. И он (Местоблюститель) выступает как временный Предстоятель данной Поместной Церкви, как ее первый епископ.

Подобный Местоблюститель «не пользуется ни авторитетом Патриарха, потому что избирается только на время, до избрания нового Патриарха», ни полнотой Патриаршей власти, так как он остается членом Священного Синода и его Представителем и может действовать только по полномочию Синода и нераздельно с ним.

«Эту ограниченность полномочий Местоблюстителя подчеркнул и Российский Собор 1917—18 гг., определив, что Местоблюститель не имеет Патриаршего права возношения его имени по всем церквям Патриархата, а также права обращения от своего имени с посланиями ко всероссийской пастве. И то и другое Местоблюстителю предоставляется только совместно с Священным Синодом.

Само собою понятно, что у такого Местоблюстителя не может быть заместителей. Источник его полномочий — Синод, который, в случае нужды, всегда может перенести эти полномочия на другое лицо с тем же титулом»¹.

Совершенно иным и с другими полномочиями является Патриарший Местоблюститель митр. Петр.

Последний получил свои полномочия не от Синода и не совместно с Синодом, а непосредственно от Патриарха.

«Знаменательно,— рассуждает по этому поводу митр. Сергей,— что ко дню смерти Патриарха из всего столь широко на Соборе задуманного аппарата остался один Патриарх. Он один сохранил свои полученные от Собора полномочия на управление Российской Церковью. Срок полномочий членов Синода и Высшего Церковного Совета уже давно истек, и они не могли более принимать участия в управлении. Существовавший при Патриархе Синод из трех архиепископов, а потом — митрополитов, полномочий от Собора не имел, был собран по личному приглашению Почившего

¹ Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3.

и с его смертью терял полномочия. Таким образом, рядом с Патриархом не оказывалось Собором уполномоченного учреждения, которое бы, участвуя в высшем управлении Церковью, могло автоматически принять от Патриарха всю полноту порученной ему Собором Патриаршей власти и соблюсти ее до избрания нового Патриарха, избрав Местоблюстителя. Оставался единственный путь к сохранению этой власти: личным Патриаршим распоряжением указать лицо, которое бы по смерти Патриарха восприняло всю полноту Патриаршей власти для передачи будущему Патриарху. Это почивший сделал своим завещанием.

Так как вопрос шел именно о том, чтобы сохранить для Русской Церкви не в теории, но и на практике, в действии, учрежденную Собором Патриаршую власть во всей ее полноте, то в завещании и говорится определенно о переходе к одному из указанных кандидатов всех прав и обязанностей Патриарха без каких-либо ограничений. Завещание не усваивает будущему носителю Патриаршей власти титула Местоблюститель, что давало бы повод приравнивать его к обыкновенному Местоблюстителю и тем ограничивать его права. Уже сам Владыка Митр. Петр, при вступлении в должность, избрал для себя такой титул, может быть, желая этим показать, что он совсем не намерен присваивать Патриаршей власти пожизненно, а смотрит на себя только как на временного носителя этой власти для передачи будущему Патриарху. По прямому же смыслу завещания он бы должен был именоваться: «Исправляющий должность Патриарха» со всеми правами, этой должности присвоенными, в том числе и с правом обращения ко Всероссийской пастве лично от себя с посланиями и с правом возношения его имени во всех церквях Патриархата»¹.

Правда, некоторые выражали сомнение относительно канонической состоятельности единоличной передачи Патриаршества, но это сомнение теряет свою силу, если только учесть, что Собор 1917—18 гг. предоставил Патриарху право передавать таким образом власть временному носителю в случае, когда не окажется в наличии уполномоченного Собором учреждения. И кроме того, Патриаршее завещание при его вскрытии было единогласно утверждено соборным мнением — 37 архиереями, присутствовавшими на погребении Патриарха. О чем ими был составлен специальный акт, содержание которого мы приведем ниже.

¹ Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 3—4.

«Убедившись в подлинности документа,— говорится в акте,— и учитывая, во-первых, то обстоятельство, что почивший Патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Русской Церкви преемства власти и, во-вторых, что ни митр. Кирилл, ни митр. Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, мы, архипастыри, признаем, что Высокопреосвященнейший Митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и во исполнение воли почившего Патриарха должен вступить в обязанности Патриаршего Местоблюстителя».

Далее следуют 37 подписей.

Характерно, что в этом акте ясно отмечается, что почивший Патриарх не имел иного пути сохранить в Русской Церкви законное преемство Патриаршей власти и что от этой власти митр. Петр уклониться не может.

Таким образом, Патриарший Местоблюститель митр. Петр являлся законным носителем Патриаршей власти во всей ее полноте и объеме.

Выяснив полномочия Патриаршего Местоблюстителя, мы сможем теперь определить и объем полномочий митр. Сергия.

Мы уже отмечали, что, по прямому смыслу завещания Патриаршего Местоблюстителя, митр. Петр передавал свои обязанности одному из кандидатов, указанных в завещании, во всей полноте и объеме своих полномочий. А так как в сферу его полномочий входила вся полнота Патриаршей власти, то отсюда, следовательно, эта полнота власти перешла и к Заместителю.

Такое утверждение о полномочиях Заместителя вытекает не только из содержания завещания митр. Петра, но из исторической аналогии и из существа дела.

«Как известно,— говорит митр. Сергий,— «Заместителем» Патриарха начал себя именовать в 1922 г. покойный митр. Ярославский Агафангел, которого Святейший Патриарх, «вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения Патриарха к гражданскому суду», счел полезным для блага Церкви поставить во главе церковного управления. Титул «Заместителя» опять-таки в грамоте Патриарха не был указан, а был избран самим митр. Агафангелом. Однако, определяя свои полномочия не по техническому значению слова «Заместитель», а по существу дела, митр. Агафангел «почитал своим долгом... созыв Всероссийского Поместного Собора», который должен был

дать решение всех принципиальных вопросов. Таким образом, Заместитель Патриарха, еще здравствующего, но устранившегося от управления из-за предания его гражданскому суду, признает себя облеченным всею полнотою Патриаршей власти, до созыва Поместного Собора включительно. Даже на этот созыв он не считает необходимым во что бы то ни стало добиваться каких-либо указаний от Патриарха, а между тем Собор полномочен поставить вопрос и о суде над самим Патриархом.

Настоящее положение нашего Церковного управления — во главе с Заместителем здравствующего, но устранившегося от дел Местоблюстителя — до тождества аналогично положению управления в 1922 г. при устранившемся Патриархе и фактически управлявшем Заместителе. Нет поэтому никаких оснований утверждать, будто теперешний Заместитель, в отличие от тогдашнего, должен почитаться ограниченным в правах, хотя бы в документе, передающем власть, и не было никаких оговорок об ограничении (как не было их и в 1922 г.).

Таким образом, по документальным нашим данным, Заместитель облечен Патриаршей властью в том же объеме, как и заменяемый им Местоблюститель. Да и существом дела это требуется, иначе не было бы ответственного кормчего у Церковного корабля, и тогда не было бы и цели вообще кому бы то ни было передавать власть. Различие между Местоблюстителем и его Заместителем не в объеме Патриаршей власти, а только в том, что Заместитель является как бы спутником Местоблюстителя: сохраняет в своей должности. Ушел Местоблюститель от должности (за смертью, отказом и под.) — в тот же момент прекращаются полномочия Заместителя. Само собою понятно, что с возвращением Местоблюстителя к управлению Заместитель перестает управлять.

За распоряжения своего Заместителя Местоблюститель ни в какой мере не может быть ответственным, и потому нельзя ожидать или требовать, чтобы Местоблюститель вмешивался в управление и своими распоряжениями исправлял ошибки Заместителя. Такое вмешательство повело бы только к еще большему расстройству церковных дел и к анархии, как и всякое двоевластие. Как самостоятельный правитель, Заместитель сам и отвечает за свое правление перед Поместным Собором»¹.

Итак, с точки зрения исторического и канонического освещения Заместитель Патриаршего Местоблюстителя обладал полнотою Патриаршей власти, что давало ему полное основание делать те

¹ Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 5.

или иные распоряжения, относящиеся к церковному управлению, самостоятельно.

Но церковная жизнь в условиях тогдашних обстоятельств повлияла отрицательно на каноническое определение российским епископатам полномочий митр. Сергия, и то, что канонически входило в объем власти Заместителя, стало считаться недействительным.

Объем полномочий митр. Сергия большинством, если не сказать всем российским епископатам, был ограничен, а сам митр. Сергей, как мы уже видели из приведенных выше примеров, был поставлен в прямую зависимость от Патриаршего Местоблюстителя.

Здесь, видимо, произошла какая-то ошибка, послужившая ограничением прав Заместителя. В чем же состояла эта ошибка? Она, вероятно, состояла в том, что большинство епископов в определении полномочий митр. Сергия исходило не из смысла завещания митр. Петра, а из смысла технического термина «Заместитель», которым обычно обозначалась должность с правами, ограниченными сравнительно с тем, кого замещают.

Вследствие этого и стали утверждать, что «Заместитель Патриаршего Местоблюстителя уполномочен последним вершить только так называемые дела текущие и не может брать на себя решение дел принципиальных и общецерковных»¹.

Этот взгляд еще больше укрепился в сознании российского епископата тем, что митр. Петр, несмотря на то что он на долгий срок лишился физической возможности управлять Церковью, оставил за собой титул и звание Местоблюстителя. При таком положении мысль не только обычного епископата, но и самого митр. Сергия как Заместителя естественно приковывалась к Патриаршему Местоблюстителю и ставила их (епископов) по отношению к митр. Петру в какую-то каноническую зависимость. В сознании русских иерархов сложилось полное убеждение в том, что митр. Петр является полноправным носителем канонической власти, а митр. Сергей только его временный Заместитель, который имеет дать отчет не только Поместному Собору, но и Патриаршему Местоблюстителю.

Это вело к тому, что всякие самостоятельные шаги митр. Сергия, направленные к решению принципиальных сторон церковной жизни, преломлялись в сознании отдельных иерархов как превышение канонических полномочий митр. Сергием. А это в свою очередь подготовляло пригодную почву для возникновения расколов.

Итак, обозревая исторические, психологические и канонические причины, мы приходим к определенному выводу, что ростки иосифлянского раскола и других группировок невидимо зрели в самом организме церковно-общественной жизни, и, как только наступило благоприятное время, они пробились на поверхность и заявили во всеуслышание о своем существовании, продолжая расти и развиваться.

¹ Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1. С. 4.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.